

Петербург в 1921-ом году

Москва, лишенная торговой и административной суеты, вероятно, была бы жалка. Петербург стал величествен. Вместе с вывесками, с него словно сползла вся лишняя пестрота. Дома, даже самые обыкновенные, получили ту стройность и строгость, которой ранее обладали одни дворцы. Петербург обезлюдел (к тому времени в нем насчитывалось лишь около семисот тысяч жителей), по улицам перестали ходить трамваи, лишь изредка цокали копыта, либо гудел автомобиль, - и оказалось, что неподвижность более пристала ему, чем движение. Конечно, к нему ничто не прибавилось, он не приобрёл ничего нового, - но он утратил всё то, что было ему не к лицу. Есть люди, которые в гробу хорошеют: так, кажется, было с Пушкиным. Несомненно, так было с Петербургом.

Эта красота - временная, минутная. За нею следует страшное безобразие распада. Но в созерцании её есть невыразимое, щемящее наслаждение. Уже на наших глазах тление начинало касаться и Петербурга: там провалились торцы, там осыпалась штукатурка, там пошатнулась стена, обломилась рука у статуи. Но и этот еле обозначающийся распад ещё был прекрасен, и трава, кое-где пробивавшаяся сквозь трещины тротуаров, ещё не безобразила, а лишь украшала чудесный город, как плющ украшает классические руины. Дневной Петербург был тих и величествен, как ночной. По ночам в Александровском сквере и на Мойке, недалеко от Синего моста, пел соловей.

В этом великолепном, но странном городе жизнь протекала своеобразно. В смысле административном Петербург стал провинцией. Торговля в нём прекратилась, как всюду. Заводы и фабрики почти не работали, воздух был ясен и пахло морем. Чиновный, торговый, фабричный люд отчасти разъехался, отчасти просто стал менее виден, слышен. Зато жизнь научная, литературная, театральная, художественная проступила наружу с небывалой отчетливостью. Большевики уже пытались овладеть ею, но еще не умели этого сделать, и она доживала последние дни свободы в подлинном творческом подъёме. Голод и холод не снижали этого подъёма, - может быть, даже его поддерживали. Прав был поэт, писавший в те дни:

И мне от голода легко,
И весело от вдохновенья.

Вл. Ходасевич, «Дом Искусств» (1939)

Saint-Pétersbourg en 1921

Moscou, privé de son agitation¹ commerciale² et administrative, eût vraisemblablement été pitoyable. Saint-Pétersbourg, elle, devint majestueuse³. C'était comme si, en même temps que ses enseignes⁴, elle avait perdu toute bigarrure supplémentaire. Les maisons même les plus ordinaires avaient pris⁵ cette élégance⁶ et cette austérité, que seuls les palais possédaient⁷ auparavant. Saint-Pétersbourg s'était dépeuplé⁸ (à cette époque⁹ on n'y comptait plus guère que¹⁰ sept cent mille habitants environ), les tramways avaient cessé de sillonner les rues, on entendait seulement au loin quelque claquement de sabot, ou le klaxon d'une automobile ; et cette immobilité lui seyait¹¹ davantage que l'agitation. Certes, rien ne s'y était ajouté, elle n'avait rien de nouveau, mais elle s'était dépouillée¹² de tout ce qui ne lui allait pas¹³. Certaines personnes embellissent¹⁴ dans leur cercueil : ce fut le cas, semble-t-il de Pouchkine. Indubitablement, il en fut également ainsi pour Saint-Pétersbourg.

Cette beauté est passagère, fugitive¹⁵. Elle est suivie de l'affreuse laideur¹⁶ de la décomposition. Mais il y a, à la contempler¹⁷, un plaisir inexprimable, qui vous serre¹⁸ le cœur. Sous nos yeux, la corruption¹⁹ commençait déjà aussi de toucher Saint-Pétersbourg. Ça et là

¹ *Суета́* > *суети́ться* : s'affairer. *Суети́ться с утра до но́чи*.

² *Торг*: marchandage. *Продава́ть с торго́в*: vendre aux enchères. *Торгова́ться*: marchander. *Торгова́ть чем*: vendre, commercer. *Торго́вец*: commerçant.

³ *вели́чествен*: forme courte de *вели́чественный*. La forme *вели́чественен* n'existe plus.

⁴ *Вывеска* > *вы́весить/вывеси́вать*: suspendre, hisser, arborer, afficher. *Повеси́ть/веси́ать*: suspendre, accrocher.

⁵ *Получи́ть/получа́ть*: recevoir. Ici, a le sens de *приобрести́/приобрета́ть*.

⁶ *Стро́йность* < *строй* (ordre, LOC : *в строю́*).

⁷ *Облада́ть чем*: posséder, détenir.

⁸ *Обезлюде́ть*: verbe à double préfixation en *обез-* (devant consonne sonore) ou *обес-* (devant consonne sourde). Verbes intransitifs avec suffixe *-еть*: *обесси́леть, обезводи́ть, обеззубе́ть*. Verbes transitifs avec suffixe *-ить*: *обезвре́дить, обезлюди́ть, обесце́нить, обесси́лить, обезводи́ть, обессла́вить, обескура́жить*.

⁹ *К тому́ вре́мени*: à cette époque.

¹⁰ *Лишь* = *только*.

¹¹ *Приста́ть*: seoir, convenir (imperfectif hors couple). Ne pas confondre avec *приста́ть/пристава́ть*: coller, importuner (*не пристава́й, как ба́нный лист!*).

¹² *Утра́тить/утра́чивать*: perdre (sens abstrait). *Утра́ченные иллю́зии*.

¹³ Cf. *Этот цвет ей к лицу́ = этот цвет ей идёт*.

¹⁴ *Хороше́ть/похороше́ть*: embellir ; se porter bien.

¹⁵ *Вре́менный*: temporaire ; *временной*: temporel.

¹⁶ *Безобра́зие*: laideur, horreur. *Како́е безобра́зие!*, *э́то безобра́зие!*, *что за безобра́зие!*: c'est dégoûtant!, quelle horreur!, c'est une horreur!, c'est scandaleux!, c'est révoltant!

¹⁷ *Созерца́ние* < *созерца́ть*: contempler.

¹⁸ *Щеми́ть*: serrer. *У меня́ се́рце щеми́т (сжима́ется)*. *Щеми́т в боку́*. *Щемя́щая боль*.

Ущеми́ть/ущемля́ть: piñcer ; léser. *Ущеми́ть себе́ па́лец*.

¹⁹ *Тлени́е* < *тлеть/истлеть*: se corrompre, se décomposer. *Растли́ть/растлева́ть кого́*: corrompre, dépraver qqn.

25 novembre 2009

les pavés de bois²⁰ s'étaient enfoncés, le stuc s'était effrité²¹, un mur s'était penché²², le bras d'une statue s'était brisé²³. Cependant, même cette insensible désagrégation suscitait encore l'admiration, et l'herbe qui, de-ci de-là, passait à travers les lézardes des trottoirs, n'enlaidissait pas encore cette ville merveilleuse, mais l'embellissait au contraire, à la façon dont le lierre embellit les ruines antiques. Saint-Pétersbourg était calme et majestueux, le jour comme la nuit. Et la nuit, le rossignol chantait dans le square Alexandre, et sur la Moïka, non loin du pont Bleu.

Dans cette ville somptueuse, mais étrange, la vie s'écoulait suivant son propre cours. Administrativement, Saint-Pétersbourg n'était plus qu'une province. Le commerce y avait cessé, comme partout. Les usines et les fabriques ne travaillaient presque plus ; l'air y était clair, cela sentait la mer. Une partie des fonctionnaires, des commerçants et des ouvriers était partie, l'autre était simplement moins visible et plus discrète. Au contraire, la vie scientifique, littéraire, théâtrale, artistique émergea avec une netteté extraordinaire. Les Bolcheviks tentaient déjà de s'en emparer, mais ne savaient encore comment s'y prendre, et cette vie se poursuivit jusqu'aux derniers jours de liberté, dans un véritable essor créatif. Le froid et la famine n'érodaient pas cet essor, peut-être même le stimulaient. Il voyait juste, le poète qui écrivait en ces jours :

Et la faim m'inspire,
Et l'inspiration me rend gai.

V. Khodassiévitch, «La Maison des Arts»

²⁰ *Торéц*: ici : pavé en bois.

²¹ *Осыпаться/осыпаться*: attention à l'opposition accentuelle au sein du couple aspectuel.

²² *Пошатнуться*: (imperfectif hors couple): chanceler, pencher.

²³ *Обломиться/обламываться*: se casser. Aussi: *обломаться/обламываться*.